

Жизнь соло в зеркале зарубежных социально-экономических исследований

Елена Анатольевна Любимова

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: e.a.lyubimova@utmn.ru

Аннотация. Цель статьи — характеристика феномена жизни соло через призму зарубежных исследований с позиции экономического и социологического подходов. Жизнь соло — это общемировая тенденция, которая наблюдается во всем западном мире и распространяется на незападные страны. Междисциплинарный подход позволяет дать комплексное представление об изучаемом феномене. На первом этапе исследования анализу подвергнуто более 100 научных публикаций за период 2000–2022 гг. Автор выявил три актуальных исследовательских подхода к изучению феномена жизни соло: экономический, социологический и психологический. На втором этапе исследования отобраны 26 научных работ социально-экономической направленности. Они положены в основу качественного анализа зарубежной социально-экономической репрезентации жизни соло. Учет специфики одиночного образа жизни в рамках экономического подхода актуален для обоснования государственной политики в сфере недвижимости, градостроительства, сферы туризма и досуга. Эта демографическая тенденция оказывает заметное влияние на общество, поскольку во многих отношениях одиночки ведут себя иначе, чем другие слои населения. Значительная представленность жизни соло сопоставляется с традиционными домашними хозяйствами и общественными практиками. Этот феномен развивается, меняя социальную действительность и представления о взаимоотношениях, воздействует на специфику градостроительства и экономики. Социологический подход к данной тематике акцентирует внимание на отсутствии устоявшихся культурных моделей и амбивалентность жизни соло, а также описывает дискриминацию живущих соло, которая исследуется через стереотипы по отношению к ним и соотношение работа — личная жизнь. Наблюдаются половые различия в отношении к жизни соло: так, одинокие мужчины, которые строят карьеру, оцениваются положительно, женщины — негативно. Жизнь соло присутствует во всех социальных слоях, и может рассматриваться как стратегия совладания с вызовами социума, создания жизненного пространства для рекреации.

Ключевые слова: жизнь соло, экономический подход к жизни соло, социологический подход к жизни соло, анализ зарубежных исследований жизни соло

Цитирование: Любимова Е. А. 2023. Жизнь соло в зеркале зарубежных социально-экономических исследований // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 9. № 1. С. 24–43. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-1-24-43>

Поступила 19.01.2023; одобрена 08.02.2023; принята 21.02.2023

Solo living in the mirror of foreign socio-economic studies

Elena A. Lyubimova

University of Tyumen, Tyumen, Russia
Corresponding author: e.a.lyubimova@utmn.ru

Abstract. The purpose of the article is to characterize the phenomenon of solo living through the prism of foreign studies from the standpoint of economic and sociological approaches, revealing its interdisciplinarity and multidirection. Solo living is a worldwide trend that is observed throughout the Western world and extends to non-Western countries. The use of an interdisciplinary approach allows us to give a comprehensive idea of the phenomenon under study. At the first stage of the study, more than 100 scientific publications for the period 2000–2022 relevant to the topic were analyzed, on the basis of which the author was able to identify three relevant research approaches to the study of the phenomenon of solo living — economic, sociological and psychological. At the second stage of the study, 26 scientific papers of socio-economic orientation were selected, which are the basis for a qualitative analysis of the foreign socio-economic representation of solo living.

Taking into account the specifics of a single lifestyle within the framework of an economic approach is relevant for the justification of state policy in the field of real estate, urban planning, tourism and leisure. This demographic trend has a noticeable impact on society, because in many respects singles behave differently than other segments of the population. The significant representation of solo living is compared with traditional households and social practices. This phenomenon develops, changing social reality and ideas about relationships, affects the specifics of urban planning and economics. The sociological approach to this topic focuses on the absence of established cultural models and the ambivalence of solo living, and also describes the discrimination of solo living, which is investigated through stereotypes

to them and the relationship “work — personal life”. There are gender differences in the attitude to solo living, so, single men who are building a career are evaluated positively, women — negatively. Solo living is present in all social strata, and can be considered as a strategy for coping with the challenges of society, creating a living space for recreation.

Keywords: solo living, economic approach, sociological approach, analysis of foreign studies of solo living

Citation: Lyubimova, E. A. (2023). Solo living in the mirror of foreign socio-economic studies. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 9(1), 24–43. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-1-24-43>

Received Jan. 19, 2023; Reviewed Feb. 8, 2023; Accepted Feb. 21, 2023

Введение

Целью статьи является характеристика феномена жизни соло в актуальных зарубежных социально-экономических исследованиях. Жизнь соло во многих странах является самым быстрорастущим типом домашнего хозяйства. Учет этого тренда актуален в разработке национальной политики, планирования новых районов с высокой плотностью населения. Сольное проживание актуально для различных социальных групп: высококвалифицированных специалистов, женщин, пожилых. Также оно интегрируется в различные сферы жизнедеятельности общества: строительство, недвижимость, бытовая инфраструктура, сфера услуг, туризм.

Жизнь соло — это достаточно новый социальный тренд, который отражает растущую индивидуализацию и детрадиционализацию современного общества. Увеличение доли только живущих людей воспринимается неоднозначно, поскольку свидетельствует о наличии кризиса традиционных семейно-брачных институтов. Жизнь соло не претендует на статус преобладающего образа жизни в обозримой перспективе, однако актуализируется своего рода легализация в массовом сознании возможности осознанного выбора данного жизненного стиля.

Методы

Исследование строится в рамках сравнительного метода анализа, одного из ведущих методов компаративной социологии, который подразумевает соотнесение данных в качественном и количественном отношении. Как отмечает Н. Дж. Смелзер: «вся социальная наука строится на различиях между людьми и социальными укладами» [Смелзер, с. 4], сравнение которых возможно по различным основаниям. Объективность результата научного исследования посредством сравнительного метода достигается через использование системного подхода к анализу информации и достоверной источниковой базы. Сравнительный анализ дает возможность исследовать истоки феномена жизни соло, оценить его современное состояние и спрогнозировать направление

развития. Использование междисциплинарного подхода является основой успешного изучения жизни соло с позиции разных научных направлений, позволяя сформировать комплексное представление об изучаемом феномене.

В качестве платформы для анализа научных публикаций выбран Elsevier — один из четырех крупнейших научных издательских домов мира. На первом этапе исследования подвергнуто анализу более 100 научных, релевантных теме публикаций за период 2000–2022 гг., на основе которого автору удалось выявить три актуальных исследовательских подхода к изучению феномена жизни соло: экономический, социологический и психологический. Последний остается за пределами данного исследования, подробнее освещается в наших работах [Любимова, Андреева, 2018; Любимова, 2020]. На втором этапе исследования отобраны 26 научных работ социально-экономической направленности, которые положены в основу качественного анализа зарубежной социально-экономической репрезентации жизни соло.

Результаты

Наполнение дефиниции «жизнь соло» в зарубежных исследованиях осуществляется с помощью характеристики различных аспектов указанного феномена. Поэтому для поиска статей использовались несколько ключевых терминов: “solo living”, “living alone”, “single people”, “singlehood”, “solitary living”, “living apart relationships”, “one-person households”. Выбор указанного временного промежутка соответствует актуализации научного интереса к жизни соло. Реконструкция содержания и эволюции дефиниции «жизнь соло» предполагает опору не только на данные исследований указанного феномена в развитых странах с индивидуалистской культурой, где этому способствуют множество факторов, но и в странах с традиционной культурой института семьи.

Палитра зарубежных исследований феномена жизни соло весьма разнообразна. Этот вопрос исследуется в США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии, европейских странах: Великобритании, Ирландии, Израиле, Нидерландах, Польше, Финляндии, Швейцарии — в азиатских странах: например, Иран, Сингапур; Корея; Индонезия; Китай; Вьетнам, Таиланд, Мьянма, Япония — и африканских обществах.

Живущий соло описывается следующими признаками:

- «1) горожанин; 2) наличие отдельного жилья (в собственности или арендуемого);
- 3) без партнера, детей и других родственников; 4) самостоятельное ведение домашнего хозяйства (ни с кем не разделяет расходы и доходы)» [Любимова, Андреева, 2018, Любимова, 2020].

Дефиниция «жизнь соло» содержательно отличается от понятия «одиночество» (loneliness), и заслуживает отдельного изучения [Jamieson и др., 2009]. Предлагаются различные концепции одиночной жизни: «оставшиеся женщины» в Китае, «женщины-паразиты» в Японии, «позднее одиночество» («late singlehood») в Китае, Израиле, «сингтоны» (от «single») в Австралии, США и Великобритании.

Анализ научных публикаций позволил выявить междисциплинарность и мультинаправленность исследований указанного феномена [Song, van der Cammen, 2019]. Жизнь соло выступает предметом изучения как отдельных исследователей, так и меж-

дународных научных союзов (Китай — Канада, Нидерланды — США, Нидерланды — Япония и др.). Частотный анализ публикаций по научной направленности показал, что чаще встречаются статьи по социологии, далее располагаются работы, выполненные на стыке демографии и социологии. На третьем месте по частотности располагаются статьи в области маркетинга, менеджмента и человеческих ресурсов, далее представлены работы по направлению жилищного строительства, жилищных исследований и дизайна. Замыкают список статьи по туризму, социальной и культурной географии, географии населения.

Остановимся подробнее на рассмотрении *экономического подхода к изучению жизни соло*. В современных европейских странах наблюдается тенденция роста доли домохозяйств с одним человеком (one-person households; далее — ОРН), а количество семей, соответственно, уменьшилось. По данным Евростата, в Финляндии в 2014 г. таковыми были 42% всех домашних хозяйств. Аналогичная ситуация — в Германии и Дании [Eurostat. Statistical Atlas]. Израиле в 2013 г. — 18,7% [Lahad, 2017]. Одиночная жизнь наиболее представлена среди работников молодого и среднего возраста, высококвалифицированных жителей больших городов [Wilkinson и др., 2017]. В Великобритании доля одиночно проживающих составила 28% в 2016 г. [Wilkinson и др., 2018]. В США доля ОРН увеличилась с 6 до 28% в период с 1930 по 2010 г., а семей, состоящих в браке, снизилась с 79 до 49% за тот же период [Deка, 2014]. В Австралии около четверти домашних хозяйств являются ОРН, их доля растет с 8% в 1946 г. до 24% в 2011 г. [de Vaus, Qu, 2015]. Эти тенденции, по прогнозам, продолжатся [Jamieson, Simpson, 2013].

В некоторых азиатских странах наблюдается похожая тенденция. Треть высокообразованных женщин в Сингапуре одиночки, а почти 40% тайваньских женщин старше 30 лет живут соло [Ang и др., 2020]. В Индонезии доля никогда не состоящего в браке населения в возрастной группе 40-65 лет увеличилась с 4,26 до 5,3% в период с 2007 по 2017 гг. [Setyonaluri и др., 2020]. Согласно выводам широкомасштабных исследований, доля ОРН в Азии будет продолжать расти в ближайшие несколько десятилетий из-за стремительной тенденции старения, снижения уровня брака и рождаемости, а также увеличения числа разводов и миграции [Yeung, Cheung, 2015]. Доля ОРН в Южной Африке возросла с 17,8% в 1996 г. до 27,5% в 2011 г. [Mutanda, Odimegwu, 2019]. Большинство исследователей указывают на необходимость дополнительных исследований по вопросам одиночного образа жизни для обоснования государственной политики.

Эта демографическая тенденция оказывает заметное влияние на общество, поскольку во многих отношениях одиночки ведут себя иначе, чем другие слои населения. В крупных канадских городах в 2010 г. проведено обследование (N = 15 390), содержащее социально-демографические характеристики индивида, дневник использования времени и оценку транспортного поведения. Выявлено, что одиночно проживающие горожане ездят на более короткие расстояния и реже имеют водительские права или доступ к транспортному средству, чем респонденты из семейных домохозяйств. Общая частота поездок индивидов, живущих соло, существенно не отличается от семейных домохозяйств, а также они чаще осуществляют поездки, связанные с едой и социальными аспектами [Young, Lachapelle, 2017].

На *рынке недвижимости* спрос на небольшие квартиры мало изучен академическим сообществом, что обусловило выбор проблемы и объекта исследования [Tuvimaa, Kamruzzaman, 2019]. Оценивалось влияние домохозяйств с одним человеком (до 34 лет) на цены на квартиры в Хельсинки (Финляндия). Выявлено, что увеличение на 1% числа ОРН по соседству приводит к росту цен на квартиры на 0,51%. Что означает: если ОРН увеличивается на 10% в районе, то средняя стоимость квартиры возрастает на 10061 евро. Таким образом, при сохранении данной тенденции рынок квартир будет продолжать испытывать подъем.

Анализ проводился на основе данных о продаже жилых помещений в Хельсинки с 2005 г. по 2012 г. Данные получены с помощью онлайн-сервиса KVKL Hintaseurantarvelu от Центральной Федерации финских агентств недвижимости, которая представляет около 80% профессиональных агентств недвижимости в стране, ежемесячно загружающих данные о своих транзакциях в эту базу данных. В ходе исследования получены важные данные для аналитиков рынка жилья и инвесторов. На рынок жилья оказывают влияние различные факторы: не только цены на квартиры, но и демографические факторы, связанные с ростом населения (иммиграция и коэффициент рождаемости), а также со средним размером домохозяйства. Одиночки предпочитают жить в городских районах, где цены на квартиры выше, чем в пригородах.

Проблемам одиноких жителей уделяется мало внимания в исследованиях жилищного строительства, отмечают финские исследователи [Tervo, Hirvonen, 2020]. В ходе исследования жителей одного из районов Хельсинки (N = 1453) установлена необходимость в пересмотре установленных норм жилых помещений для преодоления нехватки пространства, испытываемой одинокими жителями.

Так, исследование людей, выбирающих жизнь соло, актуально для развития рынка недвижимости в части учета потребностей людей, стремящихся к автономии. Например, строительная промышленность может разрабатывать специальные проекты, которые бы понравились одиноким женщинам (огороженные стенами четырехугольные внутренние дворы, более интенсивное освещение улиц, большие по площади туалетные комнаты), предлагать услуги для упрощения содержания такой недвижимости. Увеличение доли одиночно проживающих людей способствует интенсивному развитию рынка арендного жилья, чтобы они легко могли найти и снять доступную квартиру.

Развитие современной городской среды требует учета роста доли людей, проживающих соло. Так, в Австралии все большее количество людей переселяется в дома с высокой плотностью населения, и одиночная жизнь является самым быстрорастущим типом домашнего хозяйства в стране. Исследователи рекомендуют разрабатывать текущую национальную политику планирования инклюзивных новых районов с высокой плотностью населения для укрепления социального здоровья в Австралии [Hall, Andrews, 2019].

В США политика направлена на помощь пожилым людям оставаться/стареть в своих домах. Инновации направлены на повышение физического, социального благоустройства домов и районов, где одиночно проживают пожилые люди: предоставление коллективных услуг, создание специального жилья, разработка маломасштабных моделей межпоколенных отношений и привлечение инноваций в области мобильности, доставки и коммуникации [Forsyth и др., 2019].

Анализ жизни соло включает рассмотрение *досуговой сферы и туризма* людей, проживающих в одиночку, инфраструктуры для одиночек, влияние живущих соло на экологию. Актуально развитие сегмента для потребителей-одиночек в сфере услуг, бытовой инфраструктуры. Следует отметить, что вся трэвел-индустрия заточена под пары. Рост количества одиноких путешественников может способствовать развитию новых разновидностей туристических услуг. Жизнь соло не означает, что человек испытывает или действительно ищет одиночества в своем образе жизни. Он может иметь интенсивное социальное взаимодействие в других областях своей личной и трудовой жизни. Результаты исследования свидетельствуют о наличии четырех факторов, определяющих тип соло-туриста. Остановимся на них подробнее. Образ жизни современного городского жителя становится все более насыщенным, и первый фактор — поиск одиночества — может рассматриваться как способ совладания с избытком вынужденной активности. Сольный туризм позволяет индивиду больше контролировать свое социальное взаимодействие (второй фактор): как и с кем проводить время, и даже изучать собственную идентичность через взаимодействие с другими. Третьим фактором выступает смягчение осуждения жизни соло со стороны социума. Четвертый фактор — интенсивное развитие интернет-коммуникаций — рассматривается как «потенциальный костыль, который облегчает получение новых сольных впечатлений» [Leith, 2020]. Соло-туризм может быть привлекательным и без взаимодействия с друзьями, но знание того, что такое взаимодействие доступно в цифровом виде облегчает восприятие опыта и приводит к меньшему беспокойству во время путешествия или прогулки.

Жизнь соло вызывает озабоченность экологическими последствиями в изменении климата [Yates, 2018]. Более крупные домохозяйства потребляют меньше ресурсов на человека из-за экономии масштаба, мелкие домохозяйства больше потребляют энергии и ресурсов, производят бытовых отходов, CO₂. Мелкие домохозяйства рассматриваются как неэффективные: люди, живущие в одиночку, владеют, производят и потребляют ресурсоемкие вещи в одиночку, а не вместе. Исследователи оценивают растущее число одиноких людей как потенциальный экологический риск.

С позиции развития мирового рынка главными потребителями являются не семейные, а одинокие люди. Они ведущая целевая группа для продавцов и рекламщиков. Индивидуализм через призму потребления имеет очевидную экономическую выгоду: «одиночки потребляют на 38% больше товаров, на 55% — электроэнергии и на 61% — газа на душу населения» [Кляйненберг, 2014].

На основе анализа публикации по предмету нашего исследования экономической направленности можно выделить некоторые закономерности его развития:

- 1) увеличение доли ОРН (более 40% в некоторых странах) и прогноз дальнейшего роста на ближайшие годы;
- 2) репрезентация жизни соло не только в западных странах с преимущественно индивидуалистской культурой, но и в незападных странах. Следовательно, можно предположить, что феномен жизни соло обусловлен не только особенностями традиционной патриархальной культуры, но и является отражением глобального общемирового тренда;

- 3) для реализации различных направлений экономической сферы требуется корректировка с учетом роста ОРН. К этим направлениям относятся спрос на городской транспорт; спрос и цены на небольшие квартиры в центре города, что вызывает увеличение предложения квартир за счет перепланировок или нового строительства, а также падение спроса на большие квартиры и дома;
- 4) увеличение доли соло-путешественников требует разработки новых разновидностей туристических услуг;
- 5) наряду с позитивным воздействием роста живущих соло на различные отрасли экономики, наблюдаются и негативные экономические следствия, в частности, отрицательная нагрузка на экологию со стороны одиночных хозяйств в сравнение с семейно-групповым способом ведения хозяйства.

Исследования жизни соло в рамках экономического подхода базируются как на анализе данных государственной статистики, так и на результатах специально организованных обследований с масштабными выборочными совокупностями респондентов, что свидетельствует о надежности полученных данных. Изучение жизни соло в рамках экономического подхода осуществляется преимущественно количественными методами, в отличие от социологического подхода, где качественные исследования преимущественно преобладают.

Перейдем к рассмотрению *социологического подхода к исследованию жизни соло*. Если экономические исследования фиксируют масштабы формирующегося тренда и обозначают возможные способы адаптации к нему со стороны экономики, то социологические исследования сосредотачиваются на ценностно-нормативной оценке жизни соло. Рост ОРН провоцирует «давние страхи по поводу индивидуализации, постоянно предсказываемые, подтверждаемые и оплакиваемые со времен Дюркгейма и Тенниса» [Yates, 2018]. Значительная представленность одиночного образа жизни интерпретируется как отклонение от «нормальных» домашних хозяйств и общественных практик, угрожающее гражданскому обществу и традиционным ценностям.

Сложность феномена жизни соло определяет научный интерес к нему с позиции разных отраслей социологического знания. Социология молодежи и социология развития фокусируются на факте откладывания молодыми людьми супружества и формирования семьи. Некоторые исследователи предлагают рассматривать одиночное проживание не только как переходный период, а как постоянную черту существования. Анализ глубинных полуструктурированных интервью, проведенных с одиноко проживающими людьми в возрасте до 65 лет ($n = 51$) в Монреале показал, что молодые респонденты в возрасте от 25 до 30 лет имеют три представления об «одиноким жизни»: молодежный образ жизни; период перехода к супружеству; образ жизни на длительный срок [Molgat, Vézina, 2008].

Исследователи из Чехии предлагают рассматривать интересующий нас вопрос через призму таких конструктов, как «формирующаяся взрослая жизнь» и трансформация гендерных ролей [Kvapilová Bartošová, Fučík, 2017]. Почти два десятилетия назад социологи заметили, что переходы между детством и взрослой жизнью становятся размытыми. В этой связи жизнь соло может рассматриваться как новая стадия жизни. Отмечается, что доля соло проживающей молодежи значительно возросла по сравнению с про-

шлым, и одиночная жизнь характеризуется универсальными требованиями к поведению как мужчин, так и женщин [Kvapilová Bartošová, Fučík, 2017].

Для социологии города в изучении сольной жизни фокус смещается на вопросы градостроительства и джентрификации, поскольку люди, живущие соло, ориентируются на привлекательную обстановку таких районов благодаря близости к большому количеству услуг и магазинов, а также оживленной атмосфере улиц и кафе. Это «рай для одиноких, где есть все, что нужно, даже если у вас нет партнера». Разделяя пространство с похожими людьми, живущие соло получают подтверждение социальной приемлемости их образа жизни [Molgat, Vézina, 2008].

Чем больше мужчин и женщин становятся независимыми и строят автономные домохозяйства, тем более важным становится вопрос воспроизводства гендерных ролевых схем. ОРН можно рассматривать как среду, в которой происходит трансформация гендерных ролей. С точки зрения гендерной социологии феномен жизни соло рассматривается как новая категория идентичности [Wilkinson, 2014]. Доминирующая в социуме гетеронормативность детерминирует не только ориентацию на «правильный» пол, но и «правильное» представление о парной жизни. Ставя супружеские отношения выше других форм небιологических привязанностей, таких как дружба, сужается, ограничивается понимание интимной жизни, принадлежности, заботы, дома. Государственное санкционирование супружества приводит к исключению живущих вне его рамок (это относится как к одиночкам по выбору, так и одиночкам по воле судьбы). Однако увеличение доли одиночек требует учета их потребностей, в том числе создания новых форм жилья, которые лучше соответствуют желаниям одиноких людей за пределами гетеронормативной формы.

Жизнь соло в контексте гендерных изменений рассматривается как специфическая ситуация в партнерских отношениях [Kvapilová Bartošová, Fučík, 2017]. Новые формы организации партнерских отношений во время одиночного проживания (LAT отношения, открытые отношения, «друзья с выгодой») обеспечивают необходимую степень независимости и отсутствия обязательств. Отношения «living apart together» (LAT) более распространены в Западной, чем в Восточной Европе. Чаще LAT союзы образуют молодежь, обучающаяся в высших учебных заведениях, люди с высоким уровнем образования и либеральными взглядами, те, кто ранее имел опыт сожительства или брака. Некоторые группы рассматривают LAT как замену брака/сожительства [Ayuso, 2019]. Присвоенный статус заменяется достигнутым, который зависит от индивидуальных достижений и возможностей каждого отдельного человека.

Эмпирические исследования показали, что одиночное проживание связано с более эгалитарными взглядами на разделение домашнего труда, занятость женщин и уход за ними. Эти формы партнерских отношений более приемлемы для индивидов, поскольку их характер соответствует потребности в мобильности, независимости и гибкости, которые характерны для образа жизни, связанного с формирующейся взрослостью. Сольно проживающие создают новые нормы и ценности, касающиеся родительства, например, воспитание детей в молодом возрасте воспринимается как безответственное, потому что люди не считаются готовыми [Kvapilová Bartošová, Fučík, 2017].

Отчетливо эта тенденция проявляется в развитых и богатых странах, где жизни в одиночестве способствуют множество факторов. Однако и в странах с традиционной системой семейных ценностей наблюдаются похожие процессы.

1. *Высокий уровень образованности связан с распространяющейся тенденцией одиночного проживания.* Увеличение образования не только задерживает вступление в брак, но и влияет на вероятность постоянного одиночества среди женщин и мужчин в возрасте 40-65 лет. К такому выводу пришли индонезийские исследователи на основании анализа данных индонезийского Национального социально-экономического обзора (SUSENAS) с десятилетним интервалом — 2007 и 2017 гг. Также результаты исследования показали, что высокообразованные женщины и мужчины имеют одинаковую вероятность остаться одинокими [Setyonaluri и др., 2020]. Высшее образование дает женщинам больше свободы, авторитета и независимости в поиске партнеров. Хорошо образованные женщины, как правило, предпочитают мужчин с таким же или более высоким уровнем образования, чем они сами. Однако повышение уровня образования среди женщин также увеличивает задержку вступления в брак и одиночества, поскольку женщины не могут найти мужчин, разделяющих те же ценности, особенно в отношении совместного ухода за детьми и домашней работы. Для мужчин высшее образование представляет собой преимущество в поиске партнеров. Люди решают вступить в брак, если комплементарная полезность обоих партнеров выше, чем у каждого из них. Партнеры с более высоким потенциалом дохода, отраженным более высоким уровнем образования, будут специализироваться на рынке труда, в то время как те, кто имеет более низкий потенциал дохода, будут специализироваться на домашнем производстве. Поскольку образование уравнивает потенциальные доходы между мужчинами и женщинами, это означает, что женщины с высшим образованием сталкиваются с более жестким брачным рынком, где им приходится конкурировать за мужчин с более высоким потенциальным доходом.
2. *Усиление роли женщин:* «(массовый выход на рынок труда, контроль собственной сексуальной и репродуктивной жизни, а также бытового аспекта жизнедеятельности). По данным Бюро трудовой статистики Министерства труда США, с 1950 по 2000 гг. число работающих женщин увеличилось с 18 млн до 66 млн, а доля занятых в экономике страны женщин увеличилась с 33% до 60%» [Кляйненберг, 2014, с. 41]. Данная тенденция сопровождается ростом количества более поздних браков, разводов и раздельного проживания супругов, удлинением периода взросления, а количество возрастает. Статус одиночки не включает требования к сексуальному воздержанию, молодые люди пользуются преимуществами одиночного существования — поиск новых ощущений, частая смена партнеров, отсутствие постоянных связей [Кляйненберг, 2014, с. 41, с. 43].
3. *Революция в средствах коммуникаций* (пользователи имеют широкие возможности быть всегда на связи: мгновенно обмениваться сообщениями, принимать участие в блогах, размещать видео в социальную сеть).

4. Фактором формирования субкультуры синглтонов, объединенных схожими ценностями, интересами, является массовая урбанизация. Этот образ жизни более специфичен для крупных городов, привлекающих нонконформистов, которые стремятся не жить по общепринятым правилам.
5. Увеличение средней продолжительности жизни. Во многих развитых странах пожилые люди предпочитают жить самостоятельно, не переезжая к родственникам, или в дом престарелых.

Несмотря на то, что одинокий статус становится нормой *de facto*, люди, которые выбирают жизнь соло, находятся под воздействием традиционной культуры, верной стандартам брака. СМИ транслируют послание одиноким людям, что «они никогда не будут по-настоящему счастливы и не будут иметь полную жизнь, пока не вступят в брак» [DePaulo, Morris, 2006]. Для одиноких людей существуют сложности признания и открытого заявления другим людям: «Я счастлив/счастлива. Мне нравится моя жизнь». В культурные представления не входит идея о возможности принятия статуса «холостой/незамужней» и желания быть одиноким.

Более представлены в научном дискурсе исследования жизни соло женщин, в том числе через призму феминистских течений. В исторической ретроспективе женщина экономически зависела от мужчины-кормильца, что лишало ее возможности самостоятельного осознанного выбора проживания в одиночку. Рост участия женщин на рынке труда и относительного заработка снижают степень воздействия экономического участия на вступление в брак.

Исследователи указывают на *амбивалентность жизни соло* [Ang и др., 2020]. Культурные модели жизни соло еще не выработались. Часть людей, оказавшихся на пересечении этих факторов, обнаружила новые возможности в таком способе проживания, как соло. Однако удачное решение вопроса «сольного» проживания не бесплатно. Можно говорить о существовании распространенных негативных стереотипов об одиноких людях, укорененных в нашем сознании, которые зачастую не замечаются. *Дискриминация* людей соло исследуется через стереотипы по отношению к ним [DePaulo, Morris, 2006], а также через призму соотношения «работа — личная жизнь» [Wilkinson и др., 2017, 2018].

Одинокое проживание (по выбору, разводу или вдовству) более вредно для женщин, чем для мужчин. Она является темой «слона в комнате», означающей наличие стереотипов, маргинализации и «вопиющей дискриминации» женщин [Stalp, 2014]. Одинокие женщины «патологизируются».

«Синглизм — это стереотипизация, стигматизация и дискриминация людей, не состоящих в браке. Другая крайность — матримония: чрезмерно активное празднование и ажиотаж вокруг брака и свадьбы» [DePaulo, Morris, 2006; Lahad, 2017].

Предпосылки синглизма базируются на предположении о том, что сексуальное партнерство является единственным действительно важным видом отношений между сверстниками, и люди, имеющие это партнерство, более счастливы и удовлетворены, чем те, кто не имеет его. Одинокие люди часто исключаются из льгот по здоровью, более широких возможностей социального обеспечения, более низких налоговых счетов и более высокой зарплаты.

Жизнь холостяков обсуждается и осуждается. Синглизм — это ненасильственная, более мягкая форма фанатизма, чем сталкиваются другие стигматизированные группы (например, группы с нетрадиционной ориентацией). В отличие от более известных «измов» (расизм, сексизм или гетеросексизм), синглизм не часто признается, и когда на него обращают внимание, он рассматривается как законный. Результаты опроса бездетных, никогда не выходивших замуж женщин в возрасте от 30 до 48 лет в городе Лагос (Нигерия), показали, что окружение жалеет и обвиняет в их положении. Вина чаще связывается с наличием некоего личностного дефекта характера женщины [Ntoimo, Isiugo-Abane, 2014].

Почти 1000 студентов попросили перечислить характеристики, которые приходили им на ум, когда они думали о людях, которые были женаты (в одном случае) или одиноки (в другом). Женатым людям приписываются такие характеристики: зрелые, стабильные, честные, счастливые, добрые и любящие. Живущие соло описываются с помощью следующих эпитетов: незрелые, неуверенные в себе, эгоцентричные, несчастные, одинокие и уродливые (в позитивной коннотации — независимые). Воспринимаемые различия между одинокими и женатыми людьми часто были довольно большими [DePaulo, Morris, 2006]. Большинство людей вообще не знают, что одиночки подвергаются стигматизации.

Одинокие мужчины, которые развивают свою карьеру, рассматриваются в культурах положительно. Однако одинокие женщины рассматриваются как «компенсирующие» работой то, что у них нет супруга. «Женщин могут осуждать за то, что они слишком много работают для того, чтобы строить хорошие взаимоотношения» [DePaulo, Morris, 2006]. Мужчины также сталкиваются с общественным мнением о том, что одному жить не полагается, если мужчине не о ком заботиться, то он эгоист. Работать и жить только для себя — плохо. Детей следует заводить чем раньше, тем лучше. Но главное — везде брать с собой спутницу, друзья активно жалеют человека без пары. L. Jamieson и R. Simpson [Jamieson, Simpson, 2013] утверждают, что соло дихотомизируются популярной культурой в привычные стереотипы: молодой, богатый, расточительный сингтон и его двойник — пожилая, социально уязвимая вдова или вдовец.

Дискриминация на рабочем месте: личная жизнь одиноких людей зачастую считается менее важной и заслуженной, чем личная жизнь тех, кто состоит в браке. Ссылаясь на то, что холостякам незачем сидеть дома, от них ждут, что они будут больше работать, в то время как имеющие детей и женатые уходят с работы пораньше, забирают последние возможные выходные или больше путешествуют. K. Wilkinson с коллегами [Wilkinson и др., 2017] провели полуструктурированные интервью с 36 только живущими менеджерами и специалистами различных профессий в возрасте от 25 до 44 лет в Великобритании. В ходе анализа полученных данных выявлены специфичные для этой группы проблемы трудовой жизни:

- 1) соотношение рабочего и нерабочего времени. Одиночки привлекаются к работе чаще, чем имеющие семью. В организации предполагается, что они могут работать дольше, поскольку у них не так много требований к своему времени вне работы, как у работников-родителей. Фактически одиноко проживающие

имеют специфические потребности во времени, поскольку несут единоличную ответственность за домашнее хозяйство, необходимость вкладывать время и энергию в дружбу для личной и эмоциональной поддержки и благополучия. Что касается развития интимных отношений, то многие считали, что обязательства по работе (долгие часы работы и требования мобильности) затрудняют формирование отношений;

- 2) законность баланса между работой и личной жизнью (одиночки реже могут уйти с работы раньше или выйти в течение дня. У них увеличена рабочая нагрузка, повышены требования к поездкам и/или ограничения на отпуск из-за необходимости компенсировать на работе отсутствие коллег, реализующих обязательства по уходу за детьми);
- 3) отсутствие поддержки финансового и эмоционального благополучия (большая уязвимость получения дохода в нестабильной экономической среде);
- 4) уязвимость, связанная с работой (одиночное проживание усиливает привязанность к работе).

Другая проблема только живущих специалистов, выделенная исследователями, связана с игнорированием потребности этой группы. Культура многих организаций по-прежнему сосредоточена главным образом на оказании помощи работающим родителям и особенно работающим матерям. На макроуровне законодательно обеспечивается облегчение совмещения работы и жизни для работающих родителей (отпуск отцовства, в связи с усыновлением; отгулы по семейным обстоятельствам; право требовать гибкий график). Сотрудники без детей негативно реагируют на воспринимаемую несправедливость организационной политики, в которой приоритет отдавался потребностям работающих родителей [Wilkinson и др., 2018]. В связи с этим актуализируется необходимость инклюзивного подхода специалистов по кадрам к потребностям данной группы персонала.

Следующая трудность, с которой встречаются проживающие соло — это необходимость решать эмоционально окрашенные задачи по организации досуга и домашнего хозяйства, которые нагружены культурными смыслами, связанными с семьей (например, Новый год или Рождество) [Yates, 2018]. Концепция «общественного взгляда» (“public gaze”) предполагает субъективную природу того, что люди чувствуют, когда другие их видят. Например, еда в общественном месте в одиночестве вызывает пристальный взгляд и воспринимаемое суждение других. Чаще всего люди принимают решения, которые в какой-то степени учитывают этот пристальный взгляд. Одно дело съесть бутерброд в кафе в одиночестве, и совсем другое — заказать столик в романтическом ресторане на День святого Валентина. Человек может неохотно участвовать в публичной соло-деятельности, рискуя быть осужденным [Leith, 2020].

Жизнь соло имеет социологически важное значение, поскольку затрагивает насущные проблемы социальной жизни и поднимает фундаментальные вопросы о том, как люди осмысливают и организуют свою жизнь с другими. Исследователи обращаются к процессам смыслообразования одиночного проживания и темпоральности на при-

мере жизни соло женщин [Lahad, 2017], которые проявляются, например, посредством утверждений в коннотациях жалости, тревоги и презрения: «чего же ты ждешь?», «перестань тратить свое время», «ты умрешь в одиночестве», «ты опоздаешь на поезд и останешься одна», «почему ты до сих пор не замужем?», «что случилось с тобой?», «почему ты недостаточно стараешься?», «разве вы не должны понизить свои стандарты?». Необходимость объяснять свое одиночество — это повторяющийся опыт для многих одиноких женщин. Наблюдаются различные формы взаимодействия, в которых одиноким женщинам приходится отчитываться о своем статусе: во время семейных обедов, встреч с друзьями, разговоров с соседями и даже взаимодействия с незнакомыми людьми. Признаком общественного интереса к этому вопросу стали реалити-шоу о сватовстве, газетные статьи и бестселлеры самопомощи по всему миру.

Отмечается трудность оспаривания убеждений об одиночной жизни, поскольку они артикулируются посредством языка времени, который характеризуется нормативностью и истинностью. Социально-временной порядок — это социально сконструированный артефакт, согласно которому одиночество может быть только временным положением. Если одиночное проживание выходит за свои временные границы, оно становится предметом общественного порицания. Таким образом, статус одиночки — это не только частный вопрос, но и коллективный. Поезд — ключевая темпоральная метафора в дискурсе об одиноких женщинах, временные истины («ты опоздаешь на поезд!») редко оспариваются. «Опоздание на поезд» означает, что нет никаких шансов стать «уважаемыми» женщинами, добившись полного членства в обществе, выраженном в семейных, гетеронормативных терминах.

Жизнь соло имеет свои положительные и отрицательные аспекты. К позитивным относятся следующие аспекты: свобода как возможность делать то, что хочется, не согласовывая свои действия с партнером; наличие времени и пространства для отдыха и восстановления сил; возможность понять себя и смысл собственной жизни; саморазвитие, карьерный рост, творчество, самовыражение. Этому способствуют наличие множества разнообразных социальных отношений, с помощью которых происходит развитие разных сторон личности, что позволяет стать более сложной самостоятельной личностью.

Наличие множества приятелей и друзей — основная причина того, что мужчины и женщины, несмотря на одинокий статус, чувствуют насыщенность своей жизни. «Одинокие люди обычно имеют лучшую стратегию инвестиций в хорошие отношения. У них обычно имеется диверсифицированное портфолио отношений — друзья, братья/сестры, коллеги, и они высоко ценят такие отношения», «они не вкладывают весь свой эмоциональный капитал в одного человека» [DePaulo, Morris, 2006]. Широкая социальная сеть является как психологической, так и эмоциональной защитой, несмотря на то что общество воспринимает одиночек как психологически уязвимых именно потому, что им не хватает органической системы поддержки супруга/супруги.

Одиночки разрабатывают ряд стратегий для преодоления напряженности между традиционными социальными ценностями и своим выбором жизни соло, в том числе: противодействие идеологии брака, использование юмора, получение социальной под-

держки. Респонденты отмечали, что они в значительной степени полагаются на дружбу в периоды одиночного проживания, и важность инвестирования в дружбу с течением времени [Wilkinson и др., 2017].

Масштабный переход к более мелким домашним хозяйствам имеет далеко идущие социальные последствия. Феномен домашних хозяйств, состоящих из одного человека, привлекает внимание все большего количества социологов. Многоаспектность жизни соло обуславливает интерес к ее изучению с позиции разных отраслей социологии (социологии молодежи, социологии развития, социологии города, гендерной социологии).

Анализ результатов исследований, проведенных социологами разных стран, позволяет утверждать, что феномен жизни соло негомогенен: выделяют три его разновидности: молодежный образ жизни; период перехода к супружеству; образ жизни на длительный срок. В соответствии с идеей второго демографического перехода трансформация гендерных ролей привела к сокращению размеров семьи и увеличению доли проживающих в одиночку. В социологическом поле солное проживание является следствием возрастающей индивидуализации и трансформации жизненного курса.

Отношение общества к человеку различается в зависимости от того, к какой разновидности жизни соло относится его поведение. Наибольшее общественное давление испытывают люди, выбравшие жизнь соло как стиль жизни на длительный срок. Социально сконструированный артефакт — социально-временной порядок — допускает, что жизнь соло может быть только временным положением. Если оно выходит за свои временные границы, то становится предметом общественного порицания. Таким образом, статус одиночки не является частным, персональным вопросом, а переходит в разряд коллективных, общественных.

Обсуждение

Жизнь соло — это значимая глобальная потребительская тенденция на предстоящие десятилетия и, вероятно, в отдаленной перспективе (некоторые исследователи даже используют термин «super-solo society» [Ang и др., 2020; Yeung, Cheung, 2015]). Во всем западном мире одиночные домохозяйства становятся все более распространенным явлением, начиная с 1970-х гг. эта тенденция распространяется на незападные страны. Существует заметная разница между азиатским и западным обществами в отношении брака и одиночного проживания. На Западе брак обычно считается личным выбором, в то время как во многих азиатских странах наблюдается твердая убежденность в универсальности брака. Причины одиночного проживания существенно различаются между отдельными людьми и культурами, а также в глобальном масштабе, однако сопровождаются общими трендами — более низким уровнем браков, более высоким уровнем разводов и влиянием на сферу занятости. Эти факты, с одной стороны, можно интерпретировать как признак снижения приверженности семейному образу жизни, усиления социальной фрагментации и роста одиночества. С другой стороны, они рассматриваются как репрезентация более широкого выбора, который люди имеют в своем жизненном устройстве и образе жизни.

Для понимания смысла и значения жизни соло необходимо собрать воедино разрозненные части мозаики, описав:

- социально-демографические и социально-экономические характеристики группы проживающих соло;
- природу жизни соло, ее продолжительность, связь с социальным взаимодействием и благополучием;
- в какой степени люди предпочитают жить одни и любят жить соло;
- степень одиночества, как негативно окрашенного переживания у тех, кто живет один;
- причины вступления и выхода из одиночного проживания.

Анализ категории «жизни соло» показывает, что она имеет очень разные значения в различных подгруппах, и относить ее к одному из полюсов — «фрагментации» или «свободы» — является редукционизмом.

Рост доли ОНР за последние десятилетия четко прослеживается на материалах статистики. Однако большая часть исследований посвящена либо молодым людям, живущим в одиночку, либо жизни соло в более позднем возрасте. Средний возраст мало привлекал внимания ученых, несмотря на то что условия жизни в среднем возрасте быстро меняются и становятся особо важными непосредственно перед выходом на пенсию, поскольку тесно связаны с условиями жизни и источниками поддержки в более позднем возрасте. Синглтоны среднего возраста, которые не имеют детей, не имеют образования, не являются экономически активными и живут в арендованном жилье, скорее всего, больше всего рискуют нуждаться в социальной и экономической «страховке» в старости. Качественное исследование этих групп имеет важное значение для определения направления социальной политики.

Патриархат и гетеронормативность влияют на жизнь женщин, долгосрочное одиночество рассматривается как нежизнеспособный вариант для женщины, потому что она не соответствует гендерным ожиданиям и не поддается гендерной социализации в целом. Более того, тот факт, что длительное одиночество не воспринимается как осуществимая возможность, может быть одной из причин, почему некоторые женщины остаются в несчастливых и даже оскорбительных отношениях.

Распространение жизни соло в течение последних десятилетий связано с глобальными изменениями в семейных отношениях: более поздний брак, увеличение отдельного проживания, увеличение разводов и позднее родительство. Жизнь соло, как правило, это сознательный выбор миллионов людей в разных культурах и странах. Данная социальная практика жителей крупных городов, осознанное решение представителей социальных групп разного возраста, детерминирующая необходимость теоретического и эмпирического исследования. Этот феномен развивается, меняя социальную действительность и представления о взаимоотношениях, воздействует на специфику градостроительства и экономики. Указанное явление присутствует во всех социальных слоях, и может рассматриваться как стратегия совладания с вызовами социума, создавая жизненное пространство для рекреации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Кляйненберг Э. 2014. Жизнь соло. Новая социальная реальность. М.: Альпина нон-фикшн. 284 с.
- Любимова Е. А. 2020. Зарубежные исследования жизни соло // Цифровое общество — новый формат социальной реальности: структуры, процессы и тенденции развития: материалы Всероссийской научной конференции XIV Ковалевские чтения 12–14 ноября 2020 года. СПб. С. 185–186.
- Любимова Е. А. Андреева О. С. 2018. Особенности границ Я у женщин, сознательно выбирающих жизнь соло // Таврический журнал психиатрии. Т. 23. № 3 (83). С. 17–23.
- Смелзер Н. Дж. 2004. О компаративном анализе, междисциплинарности и интернационализации в социологии // Социс. № 11. С. 3–12.
- Ang C. S., Lee K. F., Lie X. 2020. Understanding singleness: A phenomenological study of single women in Beijing and Singapore // Qualitative Report. Vol. 25. No. 8. Pp. 3080–3100. <https://doi.org/10.46743/2160-3715/2020.4269>
- Ayuso L. 2019. What future awaits couples Living Apart Together (LAT)? // Sociological Review. Vol. 67. No. 1. Pp. 226–244. <https://doi.org/10.1177/0038026118799053>
- de Vaus D., Qu L. 2015. Demographics of living alone // Journal of the Home Economics Institute of Australia. 2015. Vol. 22. No. 1, Pp. 27–38. <https://search.informit.org/doi/10.3316/INFORMIT.377657191876929>
- Deka D. 2014. The living, moving and travel behaviour of the growing American solo: Implications for cities // Urban Studies. Vol. 51. No. 4. Pp. 634–654. <https://doi.org/10.1177/0042098013492233>
- DePaulo B. M., Morris W. L. 2006. The unrecognized stereotyping and discrimination against singles // Current Directions in Psychological Science. 2006. Vol. 15. No. 5. Pp. 251–254. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8721.2006.00446.x>
- Eurostat. Statistical Atlas: Share of single-person households. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/statistical-atlas/gis/viewer/?config=census.json> (дата обращения: 19.03.2023).
- Forsyth A., Molinsky J., Kan H. Y. 2019. Improving housing and neighborhoods for the vulnerable: older people, small households, urban design, and planning // Urban Design International. 2019. Vol. 24. No. 3. Pp. 171–186. <https://doi.org/10.1057/s41289-019-00081-x>
- Hall C., Andrews F. 2019. Designing high-density neighbourhoods to promote social health in Australia // Journal of Social Inclusion. Vol. 10. No. 2. Pp. 18–38. <http://doi.org/10.36251/josi.147>
- Jamieson L., Simpson R. 2013. Solo-living with and without Partnering and Parenting // Living Alone. New York: Palgrave Macmillan. Pp. 57–87. https://doi.org/10.1057/9781137318527_3
- Jamieson L., Wasoff F., Simpson R. 2009. Solo-living, demographic and family change: the need to know more about men // Sociological Research Online. Vol. 14. No. 2. Pp. 20–35. <https://doi.org/10.5153/sro.1888>
- Kvapilová Bartošová M., Fučík P. 2017. Emerging adulthood, solo living and changes in gender subjectivity // Sociologia (Slovakia). Vol. 49. No. 3. Pp. 265–284.
- Lahad K. 2017. A table for one: A critical reading of singlehood, gender and time. Manchester University Press. 153 pp. <https://doi.org/10.2307/j.ctt1wn0s66>
- Leith C. 2020. Tourism trends: lifestyle developments and the links to solo tourism // Journal of Tourism Futures. Vol. 6. No. 3. Pp. 251–255. <https://doi.org/10.1108/JTF-11-2019-0126>

- Molgat M., Vézina M. 2008. Transitionless biographies? Youth and representations of solo living // *Young*. 2008. Vol. 16. No. 4. Pp. 349–371. <https://doi.org/10.1177/11033088080160040>
- Mutanda N., Odimegwu C. O. 2019. Solitary living in South Africa: what is driving the pattern and change? // *Journal of Population Research*. Vol. 36. No. 2. Pp. 137–158. <https://doi.org/10.1007/s12546-019-09222-z>
- Ntoimo L. F. C., Isiugo-Abanihe U. 2014. Patriarchy and Singlehood Among Women in Lagos, Nigeria // *Journal of Family Issues*. Vol. 35 No. 14. Pp. 1980–2008. <https://doi.org/10.1177/0192513X13511249>
- Setyonaluri D., Maghfirah A., Aryaputra C. 2020. Norms in Transition? The Relationship between Education and Singlehood // *Jurnal Studi Pemuda*. Vol. 9. No. 2. Pp. 136–148. <http://doi.org/10.22146/studipemudaugm.57995>
- Song Y., van der Cammen T. J. M. 2019. Electronic assistive technology for community-dwelling solo-living older adults: A systematic review // *Maturitas*. Vol. 125. P. 50–56. <https://doi.org/10.1016/j.maturitas.2019.04.211>
- Stalp M. C. 2014. Book Review: *The Marginalized Majority: Media Representation and Lived Experiences of Single Women* by Kristie Collins // *Gender & Society*. Vol. 28. No. 6. Pp. 932–934. <https://doi.org/10.1177/089124321452837>
- Tervo A., Hirvonen J. 2020. Solo dwellers and domestic spatial needs in the Helsinki Metropolitan Area, Finland // *Housing Studies*. Vol. 35. No. 7. Pp. 1194–1213. <https://doi.org/10.1080/02673037.2019.1652251>
- Tyvima T., Kamruzzaman M. 2019. The effect of young, single person households on apartment prices: an instrument variable approach // *Journal of Housing and the Built Environment*. Vol. 34. No. 1. Pp. 91–109. <https://doi.org/10.1007/s10901-018-9618-1>
- Wilkinson E. 2014. Single People's Geographies of Home: Intimacy and Friendship beyond 'the Family' // *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 46. No. 10. Pp. 2452–2468. <https://doi.org/10.1068/a130069p>
- Wilkinson K., Tomlinson J., Gardiner J. 2017. Exploring the work—life challenges and dilemmas faced by managers and professionals who live alone // *Work, Employment and Society*. Vol. 31. No. 4. Pp. 640–656. <https://doi.org/10.1177/0950017016677942>
- Wilkinson K., Tomlinson J., Gardiner J. 2018. The perceived fairness of work—life balance policies: A UK case study of solo-living managers and professionals without children // *Human Resource Management Journal*. 2018. Vol. 28. No. 2. Pp. 325–339. <https://doi.org/10.1111/1748-8583.12181>
- Yates L. 2018. Sharing, households and sustainable consumption // *Journal of Consumer Culture*. Vol. 18. No. 3. Pp. 433–452. <https://doi.org/10.1177/1469540516668229>
- Yeung W. J. J., Cheung A. K. L. 2015. Living alone: One-person households in Asia // *Demographic Research*. 2015. Vol. 32(1). Pp. 1099–1112. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2015.32.40>
- Young M., Lachapelle U. 2017. Transportation behaviours of the growing Canadian single-person households // *Transport Policy*. Vol. 57. Pp. 41–50. <https://doi.org/10.1016/j.transpol.2017.03.022>

References

- Klinenberg, E. (2014). *Going Solo: The Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone*. Alpina non-fikshn. [In Russian]

- Lyubimova, E. A. (2020, November 12–14). Foreign Studies of Solo Life. *Proceedings of the All-Russian Research Conference 14th "Kovalevskie chteniya" "Tsifrovoe obshchestvo — novyy format social'noj real'nosti: struktury, processy i tendencii razvitiya"*, 185–186. [In Russian]
- Lyubimova, E. A. & Andreeva, O. S. (2018). Peculiarities of Self Boundaries in Women Consciously Choosing to Live Solo. *Tavricheskij zhurnal psikiatrii*, 2(3), 17–23. [In Russian]
- Smelser, N. J. (2004). On Comparative Analysis, Interdisciplinarity and Internationalization in Sociology. *Socis*, (11), 2–3. [In Russian]
- Ang, C. S., Lee, K. F., & Lie, X. (2020). Understanding singleness: a phenomenological study of single women in beijing and singapore. *Qualitative Report*, 25(8), 3080–3100. <https://doi.org/10.46743/2160-3715/2020.4269>
- Ayuso, L. (2019). What future awaits couples Living Apart Together (LAT)? *Sociological Review*, 67(1), 226–244. <https://doi.org/10.1177/0038026118799053>
- de Vaus, D. & Qu, L. (2015). Demographics of living alone. *Journal of the Home Economics Institute of Australia*, 22(1), 27–38. Retrieved January 3, 2021 from <https://search.informit.org/doi/10.3316/INFORMIT.377657191876929>
- Deka, D. (2014). The living, moving and travel behaviour of the growing American solo: Implications for cities. *Urban Studies*, 51, 634–654. <https://doi.org/10.1177/0042098013492233>
- DePaulo, B. M. & Morris, W. L. (2006). The unrecognized stereotyping and discrimination against singles. *Current Directions in Psychological Science*, 15, 251–254. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8721.2006.00446.x>
- Eurostat. (2016). *Statistical Atlas: Share of single-person households*. Retrieved March 19, 2023 from <http://ec.europa.eu/eurostat/statistical-atlas/gis/viewer/?config=census.json>
- Forsyth, A., Molinsky, J., & Kan, H. Y. (2019). Improving housing and neighborhoods for the vulnerable: older people, small households, urban design, and planning. *Urban Design International*, 24(3), 171–186. <https://doi.org/10.1057/s41289-019-00081-x>
- Hall, C. & Andrews, F. 2019. Designing high-density neighbourhoods to promote social health in Australia. *Journal of Social Inclusion*, 10(2), 18–38. <http://doi.org/10.36251/josi.147>
- Jamieson, L. & Simpson, R. (2013). Solo-living with and without Partnering and Parenting. In *Living Alone* (pp. 57–87). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9781137318527_3
- Jamieson, L., Wasoff, F., & Simpson, R. (2009). Solo-living, demographic and family change: the need to know more about men. *Sociological Research Online*, 14(2–3). <https://doi.org/10.5153/sro.1888>
- Kvapilová Bartošová M. & Fučík P. (2017). Emerging adulthood, solo living and changes in gender subjectivity. *Sociologia (Slovakia)*, 49(3), 265–284.
- Lahad, K. (2017). *A Table for One: A critical reading of singlehood, gender and time*. Manchester University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctt1wn0s66>
- Leith, C. (2020). Tourism trends: lifestyle developments and the links to solo tourism. *Journal of Tourism Futures*, 6(3), 251–255. <https://doi.org/10.1108/JTF-11-2019-0126>
- Molgat, M., & Vézina, M. (2008). Transitionless biographies? Youth and representations of solo living. *Young*, 16(4), 349–371. <https://doi.org/10.1177/11033088080160040>
- Mutanda, N., & Odimegwu, C. O. (2019). Solitary living in South Africa: what is driving the pattern and change? *Journal of Population Research*, 36(2), 137–158. <https://doi.org/10.1007/s12546-019-09222-z>

- Ntoimo, L. F. C., & Isiugo-Abanihe, U. (2014). Patriarchy and Singlehood Among Women in Lagos, Nigeria. *Journal of Family Issues*, 35(14), 1980–2008. <https://doi.org/10.1177/0192513X13511249>
- Setyonaluri, D., Maghfirah, A., & Aryaputra, C. (2020). Norms in Transition? The Relationship between Education and Singlehood. *Jurnal Studi Pemuda*, 9(2), 136–148. <http://doi.org/10.22146/studipemudaugm.57995>
- Song, Y., & van der Cammen, T. J. M. (2019, July 1). Electronic assistive technology for community-dwelling solo-living older adults: a systematic review. *Maturitas*, 125, 50–56. <https://doi.org/10.1016/j.maturitas.2019.04.211>
- Stalp, M. C. (2014). Book Review: *The Marginalized Majority: Media Representation and Lived Experiences of Single Women* by Kristie Collins. *Gender & Society*, 28(6), 932–934. <https://doi.org/10.1177/089124321452837>
- Tervo, A., & Hirvonen, J. (2019). Solo dwellers and domestic spatial needs in the Helsinki Metropolitan Area, Finland. *Housing Studies*, 35(7), 1194–1213. <https://doi.org/10.1080/02673037.2019.1652251>
- Tyvimaa, T. & Kamruzzaman, M. (2019). The effect of young, single person households on apartment prices: an instrument variable approach. *Journal of Housing and the Built Environment*, 34(1), 91–109. <https://doi.org/10.1007/s10901-018-9618-1>
- Wilkinson E. (2014). Single People's Geographies of Home: Intimacy and Friendship beyond "the Family." *Environment and Planning A: Economy and Space*, 46(10), 2452–2468. <https://doi.org/10.1068/a130069p>
- Wilkinson, K., Tomlinson, J., & Gardiner, J. (2017). Exploring the work–life challenges and dilemmas faced by managers and professionals who live alone. *Work, Employment and Society*, 31(4), 640–656. <https://doi.org/10.1177/0950017016677942>
- Wilkinson, K., Tomlinson, J., & Gardiner, J. (2018). The perceived fairness of work–life balance policies: a UK case study of solo-living managers and professionals without children. *Human Resource Management Journal*, 28(2), 325–339. <https://doi.org/10.1111/1748-8583.12181>
- Yates, L. (2018). Sharing, households and sustainable consumption. *Journal of Consumer Culture*, 18(3), 433–452. <https://doi.org/10.1177/1469540516668229>
- Yeung, W. J. J. & Cheung, A. K. L. (2015). Living alone: one-person households in Asia. *Demographic Research*, 32(1), 1099–1112. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2015.32.40>
- Young, M. & Lachapelle, U. (2017). Transportation behaviours of the growing Canadian single-person households. *Transport Policy*, 57, 41–50. <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2017.03.022>

Информация об авторе

Елена Анатольевна Любимова, кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
e.a.lyubimova@utmn.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8420-0514>

Information about the author

Elena A. Lyubimova, Cand. Sci. (Soc), Assistant professor, Department of general and social psychology, University of Tyumen, Tyumen, Russia
e.a.lyubimova@utmn.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8420-0514>